

КЮРИЛЛ • РЯБОВ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Кирилл Рябов
Пёс
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48746316

Пес:

ISBN 978-5-907220-00-3

Аннотация

В новом романе бесстрашный талант Кирилла Рябова опускается к новым глубинам человеческого отчаяния. Главный герой книги получит от жизни все удары, которые только можно получить: у него умирает жена, с этого его несчастья только начинаются... Впрочем, все это для того, чтобы, пройдя подводными норами мрачной иронии, вынырнуть к свету и надежде.

Содержание

Пёс	5
1	5
2	10
3	18
4	23
5	31
6	37
7	42
8	50
9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Кирилл Рябов

Пес

© К. Рябов, 2020

© ИД «Флюид ФриФлай», 2020

© П. Лосев, оформление, 2020

Пёс

1

Первые три дня после похорон Бобровский в основном спал. Сон был поверхностный, тревожный. Иногда Бобровский вставал, шёл в туалет и мочился, не поднимая стульчак унитаза. Теперь в этом не было необходимости. Потом возвращался в кровать и ложился на сбитое в кучу постельное бельё. Подушка была влажная. Заканчивался июль. Стояла невыносимая жара. Бобровский снова засыпал, весь мокрый от пота. Время от времени звонил телефон. Он ни разу не снял трубку.

На четвёртый день Бобровский сел на кровати и закурил. Кружилась голова. У сигареты был вкус картона. Он не знал, утро сейчас или вечер. Часы показывали начало десятого. За окном было пасмурно. Он прислушался. В соседней квартире кто-то разговаривал, но слова не различались. Говорили на повышенных тонах. Опасных. Потом раздался выстрел. Бобровский выпрямил спину и замер. Заиграла трагическая музыка. Соседи смотрели кино.

Бобровский затушил сигарету и вышел на кухню. На столе стояла чашка с чуть заметным отпечатком губной помады на ободке. В чашке плесневели остатки чая. Он взял её, поднёс

к раковине, немного помедлил и поставил чашку обратно на стол. Ему стало нечем дышать. Бобровский распахнул окно и высунулся наружу. Облегчения это не принесло. На улице было душно. Под окнами мелкими шажками передвигался дворник и вяло подметал тротуар. Сначала Бобровский хотел спросить его, утро сейчас или вечер и какой сегодня день, но потом передумал. Он жил на шестом этаже. Ему не хотелось орать этот бред на весь двор. Его бы приняли за сумасшедшего. Или алкаша, который очухался после запоя.

Зазвонил телефон. Бобровский побрёл в прихожую. Он подумал, что это кто-то из родственников жены решил посочувствовать. На похоронах их собралась целая толпа. Большую часть Бобровский видел в первый раз. Они подходили, что-то говорили, жали руку, хлопали по спине, потом наливали водку. А после поминок все вдруг разом исчезли, оставив его одного. Но вот, похоже, решили узнать, как дела. Наверняка все эти дни кто-то из них и названивал.

Бобровский снял трубку. Он услышал незнакомый мужской голос. Уверенный и вальяжный.

– Анастасию Валерьевну пригласите, пожалуйста.

– Куда пригласить? – спросил Бобровский.

– К телефону. Пригласите Анастасию Валерьевну к телефону.

– Её нет.

– А когда она будет?

– Никогда.

Бобровский повесил трубку. И опять стал задыхаться. Он открыл ящик тумбочки, на которой стоял телефон. В ящике лежали старая губка для обуви, карамелька и спичечный коробок. Бобровский развернул фантик и сунул карамельку в рот. Она почти не имела вкуса. Что-то сладковато-мыльное. Телефон опять зазвонил. Тот же голос.

– Слушайте, это важно, – сказал мужик. – Мне очень важно поговорить с Анастасией Валерьевной.

– Она умерла, – сказал Бобровский. – Несколько дней назад.

В то утро жена, как обычно, собиралась на работу. Допивала чай на кухне. Бобровский курил в комнате. Они поругались. Конечно, из-за денег. Он сидел без работы. Сбережения таяли. На бирже труда платили копейки и грозили снять с учёта. Ничего хорошего Бобровскому не светило. В его возрасте с его образованием он мог устроиться лишь в какой-нибудь ЧОП. Сидеть на вахте в вонючих ботинках без шнурков и проверять пропуска сотрудников. Или прохаживаться за кассами в супермаркете. Бобровский думал, что лучше повесится, чем согласится на такое. Время от времени он звонил по объявлениям. Несколько раз сходил на собеседования. В основном для успокоения совести. Ему было стыдно, что жена работает, а он сидит у неё на шее. Но апатия заглушала чувство стыда. Бобровский старался не думать, что будет завтра. Или через месяц. А жена только об этом и думала. Скандалы случались всё чаще. Пару раз Боб-

ровский уходил из дома. Но деваться было некуда, и он быстро возвращался. Сам, без уговоров Анастасии. В то утро не было сильной ругани. Она спросила, поедет ли он на собеседование. Он ответил, что у него нет денег ездить на собеседования. «Ходи пешком, – сказала она. – Бросай курить. На сигареты деньги у тебя откуда-то есть». Он ответил, что курит самые дешёвые, которые только можно найти. Анастасия сказала, что ей пора на работу. И ушла на кухню допивать свой чай. Бобровский закурил и подумал, что скоро она начнёт ему изменять. А потом выгонит. Квартира принадлежит ей. Даже странно, что этого до сих пор не случилось. Ведь любая женщина хочет, чтобы рядом с ней был настоящий мужик, ну или хотя бы работающий мужик, а не бесполезное, старое туловище, которое сидит целыми днями дома и курит вонючие белорусские сигареты. На кухне что-то упало. Бобровский выглянул из комнаты. Жена лежала на боку, уткнувшись лицом в пол. Бобровский перевернул её на спину. Она не дышала. Он попытался сделать искусственное дыхание, рот в рот. Как в кино. Вдувал ей в легкие табачную вонь, пока у самого не потемнело в глазах. Потом побежал к телефону, набрал «03». Скорая приехала минут через пять. Врач сказал, что это, похоже, обширный инфаркт. Быстрая и лёгкая смерть. Мёртвая Анастасия лежала под ногами. Бобровский заметил, что глаза её немножко приоткрыты. «Подглядывает», – мелькнула в голове идиотская мысль.

Ничего этого, конечно, звонившему он не рассказал.

– Я вам не верю, – сказал тот неожиданно. – Наверняка, она жива. Прячется? Это глупо. Но такое бывает. Сталкивался.

– Съезди на кладбище, мудила, – перебил Бобровский и бросил трубку.

Телефон пока молчал.

2

Но через несколько часов снова зазвонил. Бобровский ответил. Перед этим он просто лежал на кровати и пялился в экран телевизора. Показывали какой-то дешёвый фильм, главную героиню, аппетитную пионерку, изнасиловал Сталин. Потом её отправили в лагерь. Но началась война, и эту бабу взяли на фронт снайпером. Она лихо мочила нацистов и берегла один патрон для усатого злодея.

– Алексей Иванович? – Это был мудила, которого Бобровский послал на кладбище. – Я навёл справки. Примите соболезнования.

– Спасибо. Извините, что назвал вас мудилой.

– Ничего страшного. Я привык. Вы ведь муж Анастасии Валерьевны?

– Вдовец, – сказал Бобровский.

– Да, конечно.

Мудила немного помолчал.

– Дело очень важное. Нужно поговорить.

– Валяйте, – сказал Бобровский. – Я тут.

– Некоторое время тому назад Анастасия Валерьевна взяла в кредит некую сумму денег. Два дня назад должен был поступить первый платёж. Но не поступил. Вы меня слушаете?

Бобровский слушал. Про кредит он ничего не знал.

– Ага.

– Так вот. Надо бы обсудить варианты погашения долга.

– Сколько? – спросил Бобровский.

– Сто пятьдесят тысяч рублей. Под пятнадцать процентов.

– Я первый раз про это слышу, – сказал Бобровский. У него было сорок восемь рублей мелочью.

– Понимаю, – вздохнул мудила. – Ситуация сложная. И разговор не телефонный. Давайте поступим так. Я вам через пару дней перезвоню. Вы пока что всё узнаете. Проверите счета. Возможно, деньги ещё даже не потрачены. А потом нам, видимо, придётся всё-таки встретиться лично.

Бобровский молчал. И тут его осенило.

– Знаешь, – сказал он. – Я не идиот. Думаешь, у меня от горя голова не соображает? Жена никогда в жизни не брала никаких кредитов.

Он бросил трубку и вернулся в комнату. Снайперша в этот момент застрелила мордатого энкавэдэшника, который хотел изнасиловать маленькую девочку. Но Бобровского это не волновало. Он тяжело дышал. Какие суки! И ведь чуть не поверил. Но откуда они узнали про смерть Насти? Врачи слили? Может, ритуальное агентство? Или кто-то из родственников? Вон сколько их припёрлось на похороны. Сплошь незнакомые рожи. Седьмая вода на киселе. Жрали водку. Кто-то тихо смеялся. Бобровский сам слышал.

Незаметно он задремал, с пультом в руке. Сон был зыбкий, нездоровый. Ему приснилась Настя. Но жена мелькну-

ла и сразу исчезла. Бобровский даже не успел ничего толком понять. Потом ему снилось, что он пытается изнасиловать снайпершу, но никак не может содрать с неё галифе. Она вывернулась, схватила свою винтовку системы Мосина и выстрелила в него. Но вместо выстрела раздалась длинная звонкая трель. Бобровский вздрогнул и проснулся. Во рту была горечь. По телевизору шли новости. Путин разговаривал с мэром Москвы. Казалось, им невыносимо скучно и вот-вот они оба заснут. Снова раздалась трель. Но это был не телефон. Звонили в дверь. Бобровский открыл. На пороге стоял тощий морщинистый старик с измождённым лицом. Он был одет в серый короткий плащ и маленькую чёрную шляпу.

– Здравствуй, Алексей, – сказал старик.

Тесть приехал. Он был похож на больного и усталого члена политбюро на трибуне Мавзолея, встречающего последний парад.

– Здравствуйте, Валерий Кузьмич, – ответил Бобровский и посторонился.

Старик вошёл. Повесил на крючок плащ, положил шляпу на тумбочку. Вздохнул.

– Вот, Алексей, приехал тебя проведать, – сказал тесть.

Они с тёщей жили в деревне. Около часа езды на электричке. Бобровский редко их навещал. Отношения с роднёй жены не сложились. Ни капли тепла за десять с лишним лет. Каждый год старики присылали поздравительные открытки

к Новому году. Поздравляли только дочь. Про Бобровского ни слова. Он и сам старался как можно реже с ними контактировать.

– Я рад, – соврал Бобровский. – Проходите, садитесь. Можем чаю попить.

Тесть заглянул в комнату и внимательно осмотрел.

– Я особо не прибирался, – сказал Бобровский. – Сами понимаете.

Они вышли на кухню. Бобровский взял чашку с недопитым плесневым чаем и убрал в холодильник. Включил чайник.

– Как Лариса Ивановна себя чувствует? – спросил Бобровский. Из вежливости.

– Ну, тяжело ей, давление. Плачет.

– А вы?

– Да тоже тяжело, что тут скажешь, – вздохнул тесть.

Он скривился, будто пытался побороть отрыжку. Достал платок и вытер лоб.

– Духота-то какая стоит, а?

Бобровский кинул в чашки по пакету «Гринфилда».

– Вам сколько сахара?

– Три, – ответил тесть. – Алексей, я не просто так приехал.

– Да, вы сказали, хотели проведать меня.

– Это тоже. Но не только. У меня особая миссия.

Бобровский посмотрел на деда внимательно. Может, старик свихнулся от горя? Какая ещё миссия?

– Я слушаю.

– Так вот какое дело у меня, Алексей, – начал тесть и громко длинно икнул. – Ох! У тебя нет ли соды случайно?

– Вроде была где-то.

Бобровский достал из шкафчика пачку соды. В голове мелькнула дурацкая мысль, что ради этого тесть и приехал. Сейчас погасит изжогу и откланяется. Тесть насыпал половину чайной ложки в стакан, разбавил водой и выпил, тараща слезящиеся глаза.

– Получше? – спросил Бобровский.

– Погоди. Отдышусь.

Закипел чайник. Бобровский разлил кипяток по чашкам. Поискал сахар, но не нашёл. Тесть сидел прикрыв глаза, прислушивался к происходящему у него в желудке. Бобровский заметил в мусорном ведре пустую коробочку «Русского сахара». И вспомнил, как Настя в то утро кинула в чашку два последних кубика, а потом выбросила коробочку в ведро. И попросила его, Бобровского, купить сахар, потому что у неё вечером не будет сил и времени тащиться в магазин. Минут через десять она умерла.

– Алексей, – позвал тесть.

Прозвучало так, будто старик и сам собрался сейчас тут умереть.

– Что? – повернулся Бобровский. – Плохо?

– Нет, нет. У меня, значит, вот разговор к тебе.

– А, ну да, миссия, я помню.

Бобровский поставил на стол чашки с чаем. И понял, что тесть готовится сказать ему что-то очень неприятное.

– Сахара нет, – сказал Бобровский.

– Это ничего, – ответил тесть. – Я так, давай.

Он схватил чашку и стал шумно цедить горячий чай.

– Ладно, скажите уже, что хотели сказать. Не тяните.

Тесть поставил чашку.

– Алексей, ты должен съехать с этой квартиры.

Бобровский посмотрел в окно. На водостоке сидел голубь и внимательно наблюдал за происходящим в кухне.

– Слышишь? – сказал тесть.

– Слышу, – ответил Бобровский и повернулся к старику. – Куда?

– Что куда?

– Куда мне съехать?

– Ну, это... знаешь... Дело-то в чём... – замямлил старик. – Мы ведь купили эту квартиру с Ларисой Ивановной, когда Настя школу кончала. Я сам пороги обивал. Титову письмо писал.

– Какому Титову? – спросил Бобровский.

– Космонавту. Герману Титову. Я же сам лётчик. Хоть и гражданский. Потом поставили на очередь. Когда Настя поженилась...

– Вышла замуж, – поправил Бобровский.

– Мы вам квартиру отдали. Потому что, ну надо же жить где-то, да? Ты сам без угла был. А Настя тоже после учёбы

к нам бы вернулась.

– Я понял, – махнул рукой Бобровский. – Квартира не моя. Делать мне тут нехрен.

– Ну зачем ты так-то? – обиделся тесть.

– А как? Ну если называть вещи своими именами.

Бобровский снова посмотрел в окно. Голубь был на месте.

– Алексей, ты сам должен понять, – сказал тесть. – У нас вот сын ещё. Трое внуков. Им помогать надо. Мы собираемся продать квартиру.

– А мне куда идти? – спросил Бобровский.

– Если в суд, то смысла нет, точно тебе говорю, – ответил тесть торопливо. – Квартиру мы на Настю не записывали. Просто вот дали вам тут жить. Думали, может, внуки будут. Всё как у людей.

– Я не про суд, – сказал Бобровский. – Жить-то мне где?

– Ну ты уж сам подумай, снять ведь можно жильё. У тебя есть родственники? Родители?

– Нет. И я нигде не работаю. Денег у меня нет. Идти мне некуда.

«А зачем я ему это говорю? – подумал Бобровский. – Смысл-то какой?»

Тесть нервно барабанил пальцами по столу. Бобровскому захотелось взять нож и отсечь их. Он посмотрел на старика. Тот суетливо прятал взгляд. Глаза его блуждали по кухне, но старательно обходили сидящего напротив Бобровского. В кармане стариковского пиджака запиликал и завибрировал

мобильник. Тесть торопливо достал старенькую кнопочную «нокию», прищурился и указательным пальцем нажал клавишу вызова. Бобровский услышал доносящийся из трубки крикливый голос тёщи, но слов разобрать не смог.

– Да, – сказал тесть, глядя перед собой. – Ну, вот как раз сидим, разговариваем. Что? Да ну, перестань. Без этого обойдёмся.

Кажется, тёща сказала что-то про милицию.

– Лара, послушай, мы сейчас поговорим, я тебе потом перезвоню. Всё. Всё. Целую, – добавил старик стеснительно и убрал телефон в карман.

После этого он наконец посмотрел на Бобровского. Похоже, звонок супруги добавил ему смелости.

– Такие вот дела, Алексей, – пробормотал тесть. – Уж извини.

Бобровский молчал. Ему опять не хватало воздуха. Он не хотел задыхаться на глазах у тестя и ушёл в комнату.

По телевизору шло ток-шоу. Один дед трахнул свою внучку, и она родила ребёнка. Ведущий спрашивал внучку, почему она не сделала аборт. Зрительный зал свистел и выл. Ведущий спрашивал деда, как он себя чувствует, будучи прадедом своего сына. Дед кричал, что это не его ребёнок. Он всё делал указательным пальцем. Зал взорвался от криков.

Бобровский сел на диван и отключился.

3

Минут через пять он очнулся. Ничего не изменилось. Телевизор продолжал транслировать безумие.

Бобровский вернулся на кухню. Тесть сидел за столом и, шкрябая дном, нервно крутил чашку против часовой стрелки.

– Ну что? – спросил старик.

– Что?

Бобровский сел и медленно выпил свой остывший чай.

– Ты подумал, Алексей?

– Да.

Он подумал: «К чёртовой матери вас всех!» – И что ты скажешь?

– Ладно, я съеду, – сказал Бобровский. – Квартира и правда ваша. А Настя умерла.

– Ну вот и решили. – Тесть потёр ладонями тощие коленки. – Хорошо.

Потом они некоторое время неловко молчали. Бобровский подумал: «Вот бы атомная бомба сейчас упала». Он даже посмотрел в окно, с некоторой надеждой.

А тесть, выполнив миссию, похоже, не знал, что делать дальше. Он сопел, кряхтел, покашливал, почёсывался, игрался с пустой чашкой, но не двигался с места. «Наверно, мы так можем просидеть хоть всю неделю, пока не умрём от

обезвоживания».

– Какой сегодня день? – спросил Бобровский.

– Тридцать первое июля, вторник, – ответил тесть. – Фильм такой был.

– Какой? «Тридцать первое июля, вторник»? – спросил Бобровский.

– Нет. Просто «Тридцать первое июля», – ответил тесть.

– Про что?

– Фильм-то? Ой, я не помню. Что-то революционное. А почему ты спрашиваешь?

«Действительно, – подумал Бобровский. – Бред какой-то. Причём тут фильм? Сейчас важно другое».

– Когда съезжать? – спросил он.

Тесть посмотрел на часы, и Бобровскому стало не по себе. Он представил, что уже сегодня ночью может оказаться на вокзале. Куда ещё можно пойти, он понятия не имел. Близких друзей у него не было. Да и неблизких тоже. Бобровский вдруг отчётливо понял, что остался совсем один, никому ненужный. Но как так получилось?

– Недели тебе хватит, Алексей? Собраться, потом устроиться где-то.

– Не знаю, – ответил Бобровский. – Понятия не имею. Хватит или не хватит.

– Давай будем ориентироваться так: через неделю тебе надо будет уже куда-то переехать, – сказал тесть. – Мы тут ремонт хотели начать...

Он посмотрел наверх.

– Потолок побелить.

Затем посмотрел вниз.

– Линолеум постелить.

Огляделся.

– Обои поклеить.

– Вы же продавать собирались, – сказал Бобровский.

– Конечно. Только после ремонта цена поднимется, сам понимаешь.

Тесть встал.

– Ну вот, значит, решили, неделя. Там и встретимся, да, Алексей?

Бобровский вышел вслед за ним в прихожую. Старик надел шляпу, посмотрел по сторонам, будто вспоминая, не забыл ли что-то важное.

– Ты не держи на меня зла, Алёша. Я не так уж много решал. Просто донёс информацию, так сказать.

«Да, донёс, не расплескал», – подумал Бобровский.

– Ну я пойду, – сказал тесть. – Будь здоров, Алексей!

И ушёл вниз по лестнице, по-стариковски громко шаркая.

Бобровский вернулся в комнату и попытался обдумать случившееся. Получалось плохо. Голова была пуста. В телевизоре какие-то люди швырялись друг в друга едой и громко матерились. Бобровский лёг и закрыл глаза. Прислушался к себе. Ничего. Разве что сердце билось чуть быстрее обычного. Дыхание с хрипотцой от многочисленных дешёвых сига-

рет. В животе странно булькает, наверно, оттого, что не ел уже несколько дней. И больше ничего.

Он открыл глаза и уставился в телевизор. Люди барахтались в еде. Бобровский переключил канал. На экране мужик лет сорока в деловом костюме, стройный и загорелый, орал прямо в камеру: «Почему ты такой вялый неудачник? Где твоя сила? Встань, оторви зад от стула, встань в позу победителя. Скажи себе: я хочу, могу и сделаю!» Бобровский медленно моргнул. Настя умерла неделю назад. А он даже не смог ни разу заплакать. Теперь ему говорят, чтобы уходил из квартиры, где прожил десять лет. А он не нашёл в себе сил и желания схватить гадкого старика за шиворот и выкинуть за дверь. Хотя слезами ведь ничего не изменишь. А тесть бы всё равно вернулся, и не один, а с тётшей, тупым сыном и рядом милиции.

«И что мне теперь делать?» – подумал Бобровский.

Мужик в телевизоре улыбался и показывал большие пальцы. Это была реклама какого-то тренинга успешности. Мужик обещал изменить жизнь каждого, кто придёт на его выступление.

– Билетов почти не осталось, – сказал он. – Не упusti свой шанс.

И подмигнул.

Бобровский выключил телевизор. Хотелось пить. Он вышел на кухню. Напился тёплой воды из-под крана. Под окнами завопила сигнализация на одной из машин. На водостоке

сидел голубь и смотрел в окно. Бобровский постучал пальцем по стеклу. Но голубь не сдвинулся с места. «Подглядывает», – подумал Бобровский и заплакал.

Сигнализация верещала весь вечер, то завывая, как сирена на реанимации, то крякая уткой, то выдавая музыкальные трели. Иногда на короткое время она замолкала, но почти сразу начинала орать снова.

Бобровский поплакал и почувствовал себя чуть лучше. Будто скинул несколько килограммов лишнего веса. Он попытался обдумать своё положение. Получалось плохо. Сигнализация отвлекала и раздражала. «Мне сорок два года, – подумал Бобровский, – и я в глубокой жопе».

Больше ничего в голову не приходило. Из-за уличного воя у него ужасно ломило виски. Он порылся в аптечке, нашёл цитрамон и проглотил сразу три таблетки. С улицы слышались крики, глухие удары, звон разбитого стекла. Сигнализация тут же замолчала. Бобровский выглянул в окно. Во дворе толстый мужик в шортах колошматил кувалдой старенькую красную «девятку». Он выбил все стекла, смял капот и теперь лупил по крыше, вбивая её в салон. Бобровскому вдруг стало жалко эту машину. Как будто она была живая. И звала на помощь, вопя сигнализацией. Но пришёл этот толстяк и убил её.

Бобровский открыл окно, высунулся и крикнул:
– Эй!

Мужик опустил кувалду и вытер пот со лба.

– Я сейчас позову хозяина, – сказал Бобровский.

– Дурак, я и есть хозяин, – ответил толстяк и пошёл прочь, волоча за собой кувалду.

Бобровский смотрел на раздолбанную машину. Он вспомнил, как пытался бомбить лет десять назад. Правда, у него была не красная «девятка», а старенький «Москвич-2141». Бледно-голубой, как детский ночной горшок. Бобровский купил его очень дёшево у знакомого спившегося ветерана. Сначала дела шли неплохо. За пару недель Бобровский «отбомбил» потраченные деньги. Потом пошла чистая прибыль. Он поехал на рынок и купил себе хорошую кожаную куртку и ботинки. Пригласил в ресторан знакомую кассиршу из супермаркета. Они хорошо посидели, выпили белого вина. Бобровский заплатил музыкантам, и те сыграли песню Пугачёвой «Позови меня с собой». Благодарная кассирша сделала Бобровскому минет в салоне москвича. Он тяжело дышал и думал, можно ли будет кончить в этот мокрый горячий рот без предупреждения. За окнами чернел осенний вечер. На лобовое стекло упал кленовый лист. Кассиршу дома ждали престарелые родители и двое детей от предыдущих браков. Бобровского – десятиметровая комната в заводском общежитии.

А потом удача от него отвернулась. Через несколько дней Бобровского избил трое абхазцев. Он сглупил, сунулся на их территорию у вокзала. Поколотили его не сильно. Всё обошлось ушибами, фингалом под левым глазом и сломан-

ным безымянным пальцем. Но с того момента начались проблемы. Машина стала барахлить. Сломался глушитель, потом полетело сцепление. Пришлось вкладывать сбережения в ремонт. Потом наступила зима, и клиентов поубавилось. Стояли ломоносные морозы. Люди без особой нужды старались не выходить на улицу. Бобровский и сам насквозь промёрз, разъезжая по городу в поисках пассажиров. Он заболел и слёг с пневмонией. Две недели пролежал в больничной палате с облупившимся потолком и ужасной кормёжкой. Соседи по палате без конца играли в шахматы, болтали о бабах и футболе. Стояла невыносимая скука. Незадолго до выписки Бобровского навестил приятель с завода, прессовщик по фамилии Марченко. Он был поддатый и принёс с собой чекушку.

– Лёха, беда, – сказал Марченко. – Угнали твою феррари.

– Как угнали? – спросил Бобровский. – Когда? Кто?

Больше всего его удивило, что эта колымага могла кому-то понадобиться.

– Откуда мне знать? – пожал плечами Марченко. – На днях стояла. А теперь не стоит. Давай по граммулечке, а?

Бобровский выпил пятьдесят и задремал. Его разбудили крики. Марченко сцепился с соседями по палате. Он с трудом стоял на ногах, но грозил пустой чекушкой.

– Иди отсюда, алкаш, ноги помой, – кричали соседи. – Нашёл где бухать, подлюка!

– Сожгу, как гнид, – ответил Марченко.

Его вывел толстый мужик с рябым лицом, бывший десантник.

Выписавшись из больницы, Бобровский пошёл в милицию. На него там смотрели как на идиота, с удивлением и неприязнью.

– Мужик, какой ещё москвич? – сказал усатый пожилой лейтенант. – Ну зачем ты сюда пришёл, а? Ты что, думаешь, у нас других дел нет, как искать твоё ржавое корыто?

Бобровский молчал.

– У тебя сколько есть денег? – спросил лейтенант.

– С собой? Или вообще?

– В принципе.

Бобровский порылся в карманах. У него было меньше сотни мятыми чириками и мелочью. Лейтенант устало потёр переносицу.

– Раз так, слушай бесплатный совет. Наверняка тарантас твой какие-то малолетние пиздюки взяли погонять. Походи по окрестным дворам, наверняка сам найдёшь. Ферштейн?

Бобровский так и сделал. Во дворах лежал снег. Окна панельных домов напоминали пустые глазницы. Прохожие, у которых Бобровский спрашивал про машину, на ходу пожимали плечами. Он наивно расклеил объявления, не обещая вознаграждение. Денег почти не осталось. Зарплату постоянно задерживали. Ходили слухи, что завод скоро закроется. В советское время здесь делали запчасти для танков и бронемашин. А теперь велосипеды и хозяйственные тележ-

ки для дачников. Бобровский думал: «Мне тридцать лет, и я в глубокой жопе. Что же дальше?»

Как-то вечером в дверь его комнаты постучали. Бобровский открыл. Это был Марченко. Как всегда, поддатый и злой.

– Тебя там баба ждёт внизу, – сказал Марченко.

– Что за баба? – спросил Бобровский.

Он вспомнил кассиршу из супермаркета. Её тёплый затылок и усердный рот. Правда, она не знала, где Бобровский живёт. Он соврал ей про двухкомнатную квартиру в центре города и ремонт, из-за которого не может приглашать гостей.

– Обычная баба, – ответил Марченко. – В шапке.

Бобровский спустился на первый этаж. Рядом с будкой вахтёра стояла незнакомая девушка лет двадцати пяти. Она была высокая, стройная, в болоньевой куртке, джинсах и вязаной шапочке.

– Вы меня спрашивали? – спросил Бобровский.

– Вы из двадцать шестой комнаты? Вот, я прочитала.

Девушка достала из кармана мятую бумажку – его объявление.

– Тут написано, что надо обратиться в двадцать шестую комнату, – сказала она.

– Всё верно, – ответил Бобровский.

– Да, он из двадцать шестой, – подтвердил вахтёр, угловатый старик с костистым лицом и металлическими коронками на передних зубах. – А тебя как зовут, красавица?

Девушка занервничала, опустила голову и сказала:

– Идёмте скорее. Это недалеко.

Время было позднее, начало одиннадцатого. На улице давно стемнело. Мороз быстро стал щипать ноздри. Бобровский был в спортивных штанах, старых кроссовках и застиранной футболке. Выходя из комнаты, он накинул только куртку. И сразу стал мёрзнуть. Девушка молча шагала вдоль здания общаги. Потом свернула за угол и пошла через проходные дворы.

– А вы уверены насчет машины? – спросил Бобровский. – Номер правильный?

– Да, да, всё правильно, – быстро ответила девица.

Бобровский присмотрелся. У неё было узкое бледное лицо и прыщи на подбородке. Из-под шапки торчали космы.

– Вы сказали, тут рядом. Я уже замёрз. И денег у меня нет, – добавил он на всякий случай.

Девица остановилась и посмотрела на него.

– Гадина, – сказала она.

– В смысле? – удивился Бобровский.

Они стояли во дворе хрущёвской пятиэтажки.

– Тварь, – сказала девица и пошла прямо на него.

Бобровский попятился.

– Ты меня хотел изнасиловать. Помнишь?

– Кто? Кого?

У неё был безумный взгляд.

– Помнишь, как затащил меня в машину? – заорала деви-

ца. – Я записала номер.

Она попыталась схватить Бобровского за волосы, но он был стрижен под машинку и без труда вывернулся. Девушка ткнула его кулаком в висок.

– Хочешь опять меня изнасиловать?

Бобровский забыл про холод. У него слегка поплыло перед глазами от её тычка. Надо было бежать. Но эта чокнутая крепко вцепилась в его куртку и тянула к себе. Девушка оказалась очень сильной. Он никак не мог освободиться от её захвата.

– Гадина, никто меня не тронет, только король! – выдала она и попыталась расцарапать Бобровскому лицо.

Первый и последний раз в жизни он ударил женщину. И побегал. Удар был слабый. Она что-то выла, потом стала плакать. На секунду Бобровскому стало жаль её. Обыкновенная сумасшедшая.

Он добегал до общаги и остановился у вахты отдышаться. Его трясло. Правый бок отзывался тупой болью. Перед глазами вспыхивали салютики.

– Ты что, Лёха, выеб её на холоде? – спросил Марченко.

Он почему-то сидел на месте вахтёра.

Бобровский только дышал и тарашил глаза. Потом спросил:

– А ты чего здесь?

– Петрович в туалет отошёл, – сказал Марченко. – У тебя деньги есть? Нет? А выпить? Плохо дело. Я, наверно, к ма-

тери уеду. Завод к лету закроется.

– Плохо, да, – пробормотал Бобровский. Ему некуда было уехать.

А в конце зимы, уже отчаявшись от одиночества и бедности, он познакомился с Настей. К лету они стали жить вместе. Завод закрылся. Бобровского это не волновало. Он устроился в автосервис. Марченко повесился в своей комнате утром восьмого марта. Сделал подарок бабам, пошутил кто-то.

Половину ночи Бобровский без сна провалялся на диване. Он равнодушно тарасился в экран телевизора. Там показывали танки и бомбардировщики, ракеты, комплексы залпового огня, артиллерийские установки, марширующих солдат. Голос за кадром говорил: «Мы уже окружены вдоль всей протяженности границы. Только сильная армия спасёт наши природные ресурсы от захвата. Враг гораздо ближе, чем мы думаем».

Бобровский пытался придумать план действий. У него была неделя. Или меньше? Тесть не уточнил, нужно ли считать прошедший день. Мысли путались. Не могли толком сформироваться. Он постоянно отвлекался на воспоминания. Например, как лет пять назад они с Настей катались на велосипедах по парку. Ничего особенного тогда не произошло. Велосипеды взяли напрокат. И Насте достался бракованный. Через каждую сотню метров цепь слетала, приходилось останавливаться. Бобровский предложил поменяться велосипедами. Настя сопротивлялась, и они чуть не поругались. Но в целом это был очень хороший день, в конце которого Бобровский подарил жене букетик полевых цветов.

Голос всё талдычил о нависшей угрозе, заговорах, провокациях и новом биологическом оружии. Бобровский не заметил, как уснул. Ему приснилась война. Кругом всё го-

рело и взрывалось. Пришёл командир и сказал: «Ситуация весьма говённая. Отбиваться нечем. Бобровский, мы решили выстрелить тобой из пушки по врагу. Отдай-ка автомат. А впрочем, оставь». Бобровского засунули в широкое дуло, почему-то вниз головой. Он увидел прямо перед собой огромный ударник, который должен был долбануть его по макушке, чтобы вытолкнуть наружу из ствола. Стало нечем дышать. Он слышал, как рядом суетятся артиллеристы, готовясь к выстрелу. Бобровский застонал, попытался закричать и проснулся.

Пришло утро. Работал телевизор. Бобровский лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку. Наволочка была влажная. «Я что, плакал? – подумал он. – Или это слюни?»

На пару минут телевизор приковал его внимание. Хотя там не было ничего нового. Российские ВКС нанесли удары по боевикам в окрестностях Пальмиры. Украина обвинила Россию в переброске армейских частей к границе Луганской области. Рубль опять подешевел. Бобровский вытащил из-под живота пульт и погасил экран. Казалось, в голову ему влили жидкий кисель. Настя почти не смотрела телевизор. Большую часть времени она сидела в интернете. Бобровский наоборот. У него даже не было своего компьютера. Настин ноутбук так и стоял на столе, с открытым экраном. В то утро она, как обычно, заходила проверить почту и социальные сети. Потом ушла пить чай. Бобровский смотрел новости по телевизору. Они вяло переругивались. Потом всплыла тема

денег. И ругань стала уже не такой вялой. Бобровский разнервничался, закурил контрабандный «Минск». Настя ушла на кухню, разгоняя рукой дым...

Зазвонил телефон. Бобровский слез с дивана, вышел в прихожую и снял трубку. Он подумал, что это тесть или теща. Но ошибся. Голос был тихий и дружелюбный. Бобровский даже немножко улыбнулся.

– Привет, – сказал голос. – Не разбудил?

– Нет.

– Хорошо. Не хотел тебя будить. Я же всё понимаю. Такое горе. Надо прийти в себя.

– А кто это? – спросил Бобровский, стараясь звучать так же дружелюбно, как и собеседник.

– Это Герман. Имя у меня такое, Герман. Я по поводу долга. Тебе вчера звонили, но ты был не в себе. Это объяснимо. Сейчас получше? Опомнился?

– Эй, какой долг? – сказал Бобровский.

– Сто пятьдесят тысяч рублей, – ответил Герман почти ласково. – Твоя покойная супруга, Царство ей небесное, взяла кредит. Надо вернуть.

– А, вот оно что. Опять, значит? Слушайте, моя жена никогда не брала кредиты. Ни разу. Я ни про какие сто пятьдесят тысяч ничего не знаю.

– Надо вернуть, – повторил Герман. – По-хорошему, не понимаешь, старина? Это не шутки. Не разводка. Есть договор. Сделать вид, что тебя это не касается, не выйдет.

Бобровский почувствовал лёгкую тошноту.

– Это не такие уж и большие деньги, – добавил Герман. – Я почти уверен, у тебя они есть.

– Нет, – сказал Бобровский. – Ни денег, ни договора.

В трубке послышался шум и неразборчивая ругань, потом раздалось отчетливое: «Дай-ка я этому пидору объясню».

– Не вешай трубку, – сказал другой голос, громкий и злой. – С тобой Аслан говорит. Если повесишь трубку сейчас, я тебе выколю левый глаз. Будешь со мной спорить, психана, я тебе выколю правый глаз. Ты нам должен сто пятьдесят кусков, рвань. Хорошо подумай, как нам их вернуть в ближайшее время.

Бобровский молчал. Ему не было страшно. Скорей, любопытно.

– Я про тебя всё знаю, – рычал Аслан. – Прятаться тебе некуда, мудила. Я хоть прямо сейчас приеду и засуну тебе кол в жопу. Готовь бабки, говноед. Прямо сейчас.

Снова послышались шум и возня, какие-то пререкания, а потом в эфир вернулся дружелюбный Герман.

– Алексей, – сказал он. – Ты извини, просто мой коллега очень нервный. Он не любит, когда его хотят обжулить. И я не люблю. Правда, я стараюсь всегда всё решать мирным путём, без эксцессов. Ты слушаешь?

– Слушаю, – сказал Бобровский.

– Прекрасно. Давай встретимся через пару часов. Всё обговорим. Я один приеду, без Аслана...

Бобровский услышал отдалённый выкрик: «Я его, суку, за яйца повешу на струне». А Герман ответил: «Не кипятись. Мы всё мирно решим».

– Короче, через пару часов подгоняй в центр. Сможешь?

Бобровский молча смотрел в пол. На полу был постелен старый, скрипучий, уютный паркет. Но, видимо, скоро его выломают и постелят линолеум. Стены поклеят моющимися обоями. И потолок. Что там тесть говорил про потолок?

– Не молчи, старичок, – сказал Герман. – Либо через два часа ты встречаешься со мной в центре, либо через час к тебе приедет Аслан. Но с ним у вас разговора не получится. Точно говорю. Потому что с выбитыми зубами тебе будет сложно разговаривать.

«Урою нахуй!» – крикнул вдалеке Аслан.

– Я не угрожаю. Просто поясняю положение вещей. – Герман вздохнул. – Кстати, ты, наверно, думаешь о том, что надо в полицию позвонить? Или как она теперь называется? Росгвардия? Не важно. Смысла в этом нет никакого, потому что Аслан действующий сотрудник в звании майора. И в отношении тебя им будет проведена разработка по факту мошенничества. Такие вот дела.

Было слышно, как Герман прикурил сигарету. Затянулся, закашлялся и пробормотал: «Ебёна мать».

– Ладно, – сказал Бобровский. Хотел добавить что-нибудь бесстрашное и даже снисходительное. Пусть не думают, будто он испугался. Но в голову ничего не пришло. И он лишь

повторил: «Ладно».

– Знаешь ТЦ «Нежная королева»?

– Знаю.

Пару лет назад Бобровский работал там продавцом в табачном павильоне на третьем этаже.

– Тогда жду у центрального входа. Только не делай глупостей. И не опаздывай.

Герман повесил трубку. Бобровский послушал короткие гудки. В голове у него крутилось: «Что за фигня, Настя? Какие сто пятьдесят тысяч?» Потом тоже повесил трубку, вернее, очень медленно и осторожно положил.

Он зашёл в ванную и умылся. Впервые за последние четыре дня. Лицо обросло колючей щетиной. Она приятно колола ладони. Бобровский посмотрелся в зеркало. Выглядел он страшновато: худой, небритый, бледный, под глазами синие круги, грязные волосы. Почти мёртвый. Настя в гробу выглядела и то гораздо лучше. Правда, была не похожа на себя. Будто вместо неё положили манекен.

На подставке в углу Бобровский увидел её шампуни, гели, бальзамы и пенки. Он залез под душ и вымыл тело её гелем, голову её шампунем, лицо её пенкой. Немного поплакал, смыл с себя целый сугроб из пены и вышел из ванной.

На улице было душно и пасмурно. Разбитая «девятка» стояла на своём месте. И выглядела мёртвой. Дворовый чёрный кот сидел на крыше и напряжённо вылизывал заднюю лапу, вытянутую в нацистском приветствии. Возможно, машина уже стала его жилищем. Бобровский немного постоял у двери подъезда, покурил, рассеянно глядя по сторонам. Последний раз он выходил из дома для того, чтобы поехать на кладбище. На прошлой неделе, правильно? Или миллион лет назад? Как бы то ни было, тот день тоже оказался душным и пасмурным. Бобровский всё ждал, что прольётся дождь. Казалось, вот-вот. Особенно когда ехал в похоронном автобусе, рядом с гробом. Небо совсем потемнело. Но нет. Дождь не пролился. Только духота стала совершенно невыносимой. Когда приехали на кладбище и вытащили гроб, Бобровский почувствовал, что не может дышать. Перед глазами всё плыло, а ноги вдруг размякли. Он сел на землю у заднего колеса. Кто-то спросил его: «Ты что, не понесешь гроб?» Кажется, это был брат жены. Бобровский встал и понёс, но сознание болталось на тонкой ниточке и в любой момент могло улететь. Всё-таки он смог дойти до свежей могилы. Гроб поставили на табуретки. Бригадир землекопов спросил, нужно ли открывать крышку...

Кот спустился с крыши на капот, а оттуда спрыгнул на

землю. Бобровский бросил в урну окурок и вышел со двора. Он был одет в тот же чёрный дешёвый костюм, который надевал на похороны. Сразу за домом была остановка общественного транспорта. Сначала Бобровский собирался идти в центр пешком. Дорога занимала около получаса быстрым шагом. Пройдя сотню метров, он понял, что не осилит весь путь. Просто свалится в обморок от духоты и слабости.

Трамвай подошёл минут через пять, старенький, полупустой вагончик. Бобровский поднялся в салон и заплатил за билет. Он чувствовал, что некоторые пассажиры его рассматривают. Наверное, он был похож на покойника, сбежавшего с собственных похорон. Поскрипывая ботинками, он прошёл в конец вагона и сел на заднее сиденье. Вагон потряхивало, под полом что-то дребезжало. Бобровский проехал восемь остановок и вышел на девятой, прямо напротив торгового центра. У главного входа стояли несколько человек, каждый сам по себе. Кто-то курил, кто-то был занят своим смартфоном. Вышел пожилой охранник, подтянул неопрятного вида штаны и тоже закурил. Бобровский достал сигареты и посмотрел на часы. До встречи оставалось пять минут. Он не успел закурить. Герман подошёл со спины. Он был похож на успешного молодого чиновника. Холёный, стройный, в узких брючках и дорогих ботинках, с бородкой и стрижкой, над которыми поработали в барбершопе.

– Это я звонил, – сказал он. – Хорошо, что ты пришёл, не стал бегать, прятаться, прикидываться ветошью. От этого

всем лишние нервы. А мне вредно нервничать, например. У меня проблемы с ЖКТ. Аслан вообще на взводе. Ты же не один в такой ситуации. Но другие ведут себя как бараны, как ослы и кретины. Никакой цивилизованности, никакой интеллигентности. Можно подумать, их пытаются ограбить. А ведь всего лишь – вернуть долг.

Мимо них пролетел голубь и длинно испражнился на землю.

– Пойдём, в машине поговорим, – продолжил Герман. – Выглядишь ты, конечно... Но я понимаю, ужасное горе. Поэтому и хочется всё решить по-людски, сечёшь? С уважением друг к другу.

Бобровский подумал, что этот Герман мог бы говорить, говорить и говорить, не умолкая. При этом ни разу не сбившись.

Они обошли здание торгового центра. С другой стороны была парковка. Герман достал брелок, нажал кнопку. Откликнулась чёрная «Тойота Камри». Бобровский подумал, что у этой машины хищная, злая морда, как у голодной акулы. В салоне было прохладно, и Бобровский впервые за последнее время испытал удовольствие. Герман достал с заднего сиденья файл с документами.

– Копия договора. Почитай. Чтобы ты не думал, что это какой-то кидок.

Бобровский почитал. Полтора месяца назад Настя взяла кредит. Сто пятьдесят тысяч рублей. Он узнал её подпись.

– Убедился? – сказал Герман. – Можешь оставить себе. Хотя дома у тебя наверняка такой же лежит где-то в документах. Жена тебе правда ничего не сказала? Это часто бывает. Слушай, а почему ты молчишь?

– Не знаю, – ответил Бобровский. – А как вы меня узнали?

– Что в этом сложного? – пожал плечами Герман. – Поскольку долг перешёл к тебе по наследству, мы сразу навели все справки. Ничего примечательного. Не обижайся. Одно странно. Тебя нет в социальных сетях. Или есть? Левые страницы?

– Я не пользуюсь, – сказал Бобровский.

– Правда? Ладно. Теперь к делу. Долг нужно вернуть очень быстро. Это ясно? Я уверен, что деньги есть. Проверь счета. Я дам тебе три дня. Потом с тобой будет разговаривать Аслан. Не кривись. Это мы сейчас в положении терпил, а не ты. Наши деньги болтаются не пойми где.

– Три дня мне не хватит, – сказал Бобровский. – У меня тяжёлое положение.

– У всех тяжёлое положение. У нас тоже тяжёлое положение. Вся страна в тяжёлом положении. Мы под санкциями. Мы окружены. И поэтому должны сплотиться. Помочь друг другу. Иначе всем пизда. Понимаешь? К тому же есть принципы. Ты веришь в принципы? А в долг чести веришь?

У Бобровского разболелась голова. Ему захотелось стукнуться головой в оконное стекло и потерять сознание. Герман сказал:

– Ладно. Думаю, мы решим вопрос без эксцессов. Правда? Я вечером позвоню, вдруг уже будут новости. Ты же возьмёшь трубку? Конечно, возьмёшь. Вижу, что возьмёшь. Ну, если что, твой мобильный номер у меня тоже есть. Всё. Я тебя больше не задерживаю.

Бобровский вылез из прохладного салона в душный полдень. Герман его окликнул.

– Мне кажется, мы очень хорошо поговорили, – сказал он. И улыбнулся.

На самом деле Германа звали иначе. Когда-то он был талантливый молодой юристом и даже послужил в следственном комитете. Герман рассчитывал сделать карьеру, но все надежды сгубил кокаин. Потом он немного поработал адвокатом в городской коллегии. Там никого не смущали его слабости. Даже наоборот. Например, глава коллегии, служивший когда-то в Госнарконтроле, и сам был не дурак занюхать пару длинных дорожек после очередного трудового дня. Поработав пару лет, Герман заскучал. Резонансных дел ему не поручали, не хватало нужных связей. Он уволился и организовал небольшую контору по выбиванию долгов.

Герману нравилось его новое занятие, к тому же оно приносило прибыль. Он взял себе в напарники бывшего омовца Игнатъева, который стал работать под псевдонимом Аслан. А иногда Шамиль или Расул. Игнатъев занимался грязной работой: запугивал, бил, поджигал, заливал дверные замки монтажной пеной, оставлял надписи на стенах домов, в которых жили заёмщики.

Без работы они не сидели.

Выпроводив Бобровского, Герман позвонил партнёру.

– Что у тебя? – спросил Герман.

– Нормально всё, ем сижу, – ответил Игнатъев. – А у тебя?

Что этот мудака говорил?

– Ничего не говорил почти, квёлый он какой-то, страшный, явно не в себе.

Герман говорил это и смотрел на Бобровского. Тот брёл по парковке в сторону ТЦ. Того и гляди свалится замертво. Бобровский вдруг остановился, достал из кармана мобильник, что-то прочитал с экрана и двинул дальше заметно бодрее.

– Так, это, давай я ему рандеву сделаю, – сказал Игнатъев.

– С кем? – спросил Герман.

– Что с кем?

– Рандеву.

– Ну расшевелю его. Палец можно сломать. Или бровь оторвать. Я же умею.

– Ешь, – сказал Герман. – Я ему вечером ещё позвоню, если не ответит или будет мямлить хуйню, завтра и займёшься.

– Рандеву ему сделаю, – повторил Игнатъев.

Иногда он казался немного слабоумным.

– А с врачихой ты когда встречаешься? – спросил Герман.

– Да вот сейчас, доем и поеду, как раз у неё смена закончится.

Медсестра районной больницы должна была микрокредиторам почти полмиллиона. В основном за счет процентов. Герман звонил ей несколько раз. Договориться не получалось. Когда звонил «Аслан», она сразу бросала трубку. Пару дней назад Игнатъев изрезал ножом дверь её квартиры и оставил на стене надпись: «Верни долг, мразь уродливая».

А теперь собирался, как он сам говорил, «войти в контакт». Бывший омоновец приготовил литровую банку с мочой. Он собирался вылить мочу медсестре на голову.

– Хорошо, – сказал Герман. – Отзвонись потом.

– На связи, – ответил Игнатьев, жуя.

Герман сунул смартфон в карман рубашки и дал задний ход.

Бобровский зашёл в ТЦ через главный вход. Там стояли банкоматы. Ему пришло эсэмэс: на карту начислили пособие по безработице. Четыре тысячи с мелочью. Он вспомнил свой последний визит на биржу труда. Это было на прошлой неделе. Настя ещё не умерла. В коридоре толпился народ. Пахло краской. За дверями кабинетов то и дело звонили телефоны. Бобровский почувствовал тошноту и слабость. Хотелось сбежать оттуда. Но он не сбежал. Сотрудница биржи, очень тощая женщина лет пятидесяти, дала ему список вакансий и сказала:

– Обратите внимание, подсобный рабочий в туберкулёзную больницу. Недалеко от вашего дома.

– Ага, – сказал Бобровский.

– Пора уже определиться.

– Пора.

– Устраивает вас такой вариант?

– Да, спасибо.

Тощая женщина поджала губы: ага, так я тебе и поверила. Спускаясь потом по лестнице, Бобровский увидел маля-

ра, красящего стену в бледно-жёлтый цвет. Что происходило дальше, он помнил смутно. Кажется, вечером он всё-таки позвонил в диспансер, но трубку никто не снял. Или ему показалось, и он никуда не звонил? Теперь это было не важно. Он больше не собирался появляться на бирже.

Бобровский снял в банкомате все деньги. И что делать дальше, не знал. Ехать домой, лечь на диван, включить телевизор и уснуть под трансляцию очередного бреда? Или изловчиться, дать себе пинка и начать решать проблемы? С жилищем, с работой, с Настиним долгом? Первый вариант выглядел гораздо заманчивее. В конце концов, Герман позвонит только вечером. Можно и не отвечать. А выселять его будут только через шесть дней. За это время можно, наверно, слетать на Луну и вернуться обратно. Или остаться там.

Подошла девица лет семнадцати и сунула ему в руку рекламку. Бобровский прочитал: «Психологическая помощь, первая консультация бесплатно». Третий этаж. Секция триста семнадцать. Рядом с павильоном нижнего белья. Кто-то громко чихнул поблизости. Бобровский сунул листовку в карман брюк и поднялся на эскалаторе на третий этаж. Здесь ему сунули ещё одну рекламку. Бесплатная проверка зрения в магазине оптики. Он разыскал секцию триста семнадцать. Когда-то здесь продавали рыболовные принадлежности, вспомнил Бобровский. Теперь тут был оборудован кабинет с прозрачными панелями из стеклопластика. За столом сидела девушка лет двадцати пяти в строгом костюме

и очках. Кажется, ей было скучно и жарко. Она равнодушно смотрела на экран макбука. Бобровский разглядывал её сквозь панель. Девушка подняла глаза. Некоторое время они друг друга рассматривали. Потом Бобровский вошёл и протянул рекламку.

– Это не здесь, – сказала девушка, поправив очки. – Оптика в самом конце крыла.

Он смутился и достал из кармана другую рекламку.

– Ага, присаживайтесь. – Она как будто обрадовалась.

Бобровский сел.

– Меня зовут Васнецова Дарья Андреевна. А вас?

– Алексей, – сказал Бобровский.

– Очень приятно. Вы хотите поговорить?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Я вообще не собирался сюда приходить. Как-то случайно вышло. Я тут раньше работал.

– Прямо тут? – спросила Дарья.

– Нет. Рядом. А здесь продавали рыболовные крючки, наживку, мотыля, знаете.

– Нет, насчет мотыля я не в курсе. У вас что-то случилось?

Проблемы в семье?

– Вроде того, – ответил Бобровский. – Я в тупике. Надо что-то делать. Но нет ни сил, ни желания. А что будет, если я ничего не сделаю? Просто подожду. Только ведь само всё не рассосётся.

– У вас есть семья? – спросила Дарья.

– Нет. Никого нет.

– Работа?

– То же самое.

– Жильё?

Бобровский вздохнул.

– Вы бездомный? – спросила психологиня.

Бобровскому показалось, что она осторожно к нему при-
нюхивается.

– Пока нет. Но скоро им стану.

– Как думаете, эту ситуацию можно изменить?

– Наверно. Только я не знаю, что делать. У меня нет плана.

Дарья немного отодвинулась от стола и закинула ногу на
ногу. Бобровский посмотрел на её колени и отвёл взгляд.

– С финансами у вас тоже проблемы, видимо? – сказала
она.

– Как сказать. Кое-какие деньги у меня есть, – ответил
Бобровский, чтобы не выглядеть совсем жалким.

– Вы знаете, Алексей, выход есть. Когда-то я была в таком
же примерно положении, как и вы. Но одно грандиозное со-
бытие перевернуло всю мою жизнь.

– Вот как? – Бобровскому стало интересно.

– Да. Мне казалось, я обречена. Это всё было буквально
полгода назад. Но кое-что случилось. И моя жизнь перевер-
нулась.

– Грандиозное событие, – напомнил Бобровский.

– Верно. Хотите всё изменить? Глупый вопрос, конечно,

хотите. Иначе вы бы сюда не пришли. Очевидно, что вам нужна помощь.

– Знаете, – сказал Бобровский. – Мне немного неловко.

– Я понимаю. Расслабьтесь.

– Хорошо.

Он тоже закинул ногу на ногу и, кажется, услышал, как треснули штаны на заднице. Дарья достала из ящика стола глянцевого буклет и протянула Бобровскому.

– Вот, – сказала она. – Решение всех ваших проблем.

– Что это? – спросил Бобровский.

На первой странице была фотография мужика. Белозубо улыбаясь, он показывал большие пальцы.

– А вы почитайте, – сказала психологиня. – Там всё написано.

– Правда?

– Зачем мне вас обманывать?

– Хорошо, спасибо, – пробормотал Бобровский и начал разворачивать буклет.

– Моя жизнь перевернулась, – напомнила психологиня.

Мужика звали Лев Козырев. Бизнес-тренер, мотиватор личностного роста, миллионер и филантроп. Бобровский вспомнил, что видел его в рекламе по телевизору. Сам буклет напоминал предвыборную агитку. Филантроп обещал изменить жизнь каждого, кому это необходимо.

– Прочитали? – спросила Дарья.

– Пробежался, – ответил Бобровский.

– Дома прочтите всё вдумчиво и внимательно, – сказала она. – Поищите отзывы в интернете.

– Ладно. А как мне это всё поможет?

– Сходите на его выступление. Оно на следующей неделе.

Билеты ещё есть. Но осталось мало.

– Билеты? – спросил Бобровский.

– Да, билеты. Есть во всех кассах. Можно также купить электронный билет в интернете. Всё просто.

– Всё просто?

– Проще простого, – сказала Дарья.

Кажется, она немного разозлилась. И спрятала ноги под стол.

– Алексей, время нашей консультации подошло к концу. Я была рада вам помочь. Если у вас есть ещё какие-то вопросы...

– Нет, – сказал Бобровский.

– Тогда всего вам доброго! И помните, всё можно изменить.

Бобровский попрощался и боком вышел.

Он спустился этажом ниже и зашёл в табачный павильон, где работал продавцом пару лет назад. Тут ничего не поменялось. И даже за кассой сидела его бывшая сменщица Рита, тридцатилетняя мать-одиночка. Она читала книжку в мягкой обложке.

– Привет, – сказал Бобровский.

– Здравствуйте, – ответила Рита, скользнув по нему взглядом. – Что вам?

– Белорусская контрабанда есть?

– Нет, – ответила Рита.

– Раньше была.

– Я об этом ничего не знаю.

Рита уткнулась в книгу.

– Есть дешёвые крымские сигареты, если хотите.

– Нет, не хочу.

Она его не узнавала. Ему хотелось сказать: «Рита, я Бобровский». Но он не знал, зачем это нужно. Они мало общались, когда вместе работали. Иногда Рита звонила и просила подменить её. Бобровский всегда подменял. Правда, однажды во время переучёта Рита достала бутылку дешёвого белого вина. Был её день рождения. Вино оказалось неплохим. Они распили бутылку. Ничем особым это не закончилось. Лишь немного милой и откровенной болтовни. Рита жало-

валась, что бывший муж не платит алименты, а ребёнок часто болеет. Бобровский утешал её бесполезными словами и чувствовал небольшую неловкость оттого, что он тоже мужчина. Как её бывший муж. А это значит, что в её глазах он тоже непорядочный шмат говна с яйцами. Так он подумал. Потом они оказались как-то очень близко друг к другу, возникла пауза, и казалось, что можно поцеловаться. Но они не поцеловались, а продолжили болтать и заниматься переучётом. Потом Бобровский забрал с собой пустую бутылку и выбросил в урну у входа в ТЦ. Через месяц он уволился и стал работать сборщиком мебели. Риту больше не видел. И даже ни разу не вспомнил о ней.

Бобровский двинулся к выходу, но Рита вдруг окликнула его:

– Лёша, это ты, что ли?

Он смущённо развёл руками.

– А что не признаёшься? – Рита отложила книжку. – Я вижу, вроде знакомое лицо. Но я постоянных покупателей всех помню. Какими судьбами?

– Ну вот, решил зайти, – сказал он.

– Хочешь вернуться? Но нам никто, блин, не требуется. Несколько точек закрылись по городу. А что это у тебя в руке?

Бобровский показал ей буклет.

– А, это говно! – Рита махнула рукой. – Ну, я рада тебя видеть. Чего ты мнёшься? Что это с тобой? Ты болеешь, что

ли?

– Здоров, кажется, – ответил Бобровский. – Так что, нет белорусских?

– Нет, говорю же. Больше не берём. Слушай, ты чего так выглядишь плохо? Тощий, бледный. Как из Бухенвальда освобовился.

Рита вышла из-за прилавка и оглядела его внимательно.

– Лёш, у тебя рак, что ли?

– Нет. Не думаю, – сказал он.

– Ты сходи в поликлинику, проверься. Мало ли. У меня отец так умер. Болело, болело, ходил, ходил, пошёл в больницу, а там уже четвёртая стадия. Упустил время.

– Сочувствую, – сказал Бобровский.

– Спасибо, конечно. Но это было двенадцать лет назад. Я ещё в универе училась.

– А, ясно. Как твой ребёнок?

Бобровский не помнил, сын у неё или дочка.

– Спасибо, всё хорошо, – ответила Рита. – У бабушки сейчас в деревне. Знаешь что, пойдём наверх, посидим. Я как раз на обед собиралась.

– Ладно, – сказал Бобровский.

Поесть и правда было нужно. Сколько дней он не ел?

Рита заперла стеклянную дверь павильона. Они поднялись на последний этаж, в «Ресторанный дворик». Там было полтора десятка небольших закусовых и зал, заставленный пластиковыми столами и стульями.

– У меня есть скидочная карта, – сказала Рита. – Можно взять любой обед за сто рублей. Кроме «Макдоналдса», «Бургер Кинга» и «КФС». Да, в «Теремке» тоже карта не действует. Это нам хозяин выдал. Помнишь его?

Алишер. Интересно, мне по ней дадут два обеда? Давай сначала я возьму что-нибудь, а потом отдам тебе карту.

– Можно и так, – ответил Бобровский и сел за столик. – Я тут подожду.

Рита взяла себе полноценный обед: куриный суп, пюре с котлетами и чай. Отдала Бобровскому скидочную карту.

– Давай к окну пересядем, – сказала Рита.

– Как скажешь.

Он купил тарелку борща и стакан чая, всё в пластиковой посуде. Вид из окна открывался на автостоянку. Бобровский рассеянно поискал машину Германа. Её уже не было.

– Что потерял? – спросила Рита.

– Просто смотрю на машины, – ответил Бобровский.

– Терпеть их не могу. Дышать совсем нечем. Я бы в деревню уехала жить, но там работы никакой нет.

Потом они молча ели. Бобровскому не понравился борщ, слишком водянистый. Рита расправилась со своим обедом и расслабленно откинулась на спинку стула.

– Теперь передохнём, – сказала она. – Рассказывай.

И тут же, будто дала себе команду, стала рассказывать.

– Я ведь замуж вышла полгода назад. За водителя троллейбуса.

– Поздравляю.

– Да мы уже разошлись. Он неплохой мужик и непьющий. С ребёнком подружился. Но всё время таскал домой всякий хлам с улицы. То какие-то старые одеяла припёр, которые у подъезда валялись. Потом целый мешок старых ботинок, все драные. Говорила ему, что это нам не надо. Без толку. Газовый баллон принёс, пустой. У нас уже тараканы завелись. Он мне говорит, я его притесняю. Ну, ага. А превращать жильё в помойку – нормально? Правда, не пил. А ты ведь тоже непьющий, Лёша?

– Да, почти не пью, – сказал Бобровский.

Рита ещё что-то рассказывала, но он особо не слушал, только делал вид. Ему хотелось поскорее вернуться домой. Они спустились на улицу и покурили у пожарного выхода. Рита рассказывала про первого мужа. Тот всё ещё бегал от алиментов. А ребёнка нужно готовить к школе на следующий год. Может, оставить его у бабушки? В деревне есть школа. Хотя бы на несколько лет. Бобровский тоскливо смотрел на проходившие мимо трамваи.

– Я ведь ещё не старая, – сказала Рита. – Но это ненадолго. Понимаешь? Очень сложно найти нормального мужика. Ко мне заходит один клиент, покупает сигары, очень приличный. Но мне кажется, он педрила. Не знаешь, как это можно выяснить?

Бобровский пожал плечами.

– Спроси его прямо.

– Ахаха! Скажешь тоже! Даже если не педрила. Какое ему дело до продавщицы табачного киоска? Он покупает сигары по полторы тысячи за штуку.

– Всё как-нибудь наладится, – пробормотал Бобровский и почувствовал стыд и отвращение. Столько в этих словах было фальши.

– Да, конечно, – ответила Рита. – Мне пора, Лёша. Слушай, у тебя нельзя занять денег на недельку? Тысячу или две. Я тебе оставлю свой номер. Хотя он не изменился. У тебя должен быть. Позвони. Или заходи сюда прямо. Алишер обещал до десятого зарплату.

Бобровский отдал ей половину своего пособия. Рита его обняла и поцеловала в щёку.

– Побрейся, – сказала она. – Колючка ты!

Трюк с мочой у Игнатьева не получился. Медсестра оказалась проворной стервой. Увидев мужика с банкой, она стала орать и яростно отбиваться сумкой. Похоже, решила, что Игнатьев собрался окатить её кислотой. В итоге часть мочи пролилась на асфальт, а остальное попало Игнатьеву на штаны и футболку. Он взбесился и хотел врезать этой бабе «с вертушки», но её крики привлекли слишком много внимания. Из здания больницы выбежал охранник. Довольно молодой и крепкий парень. К тому же наверняка с «тревожной кнопкой» в кармане униформы. Пора было сваливать. Крикнув медсестре, что она, сука, будет кровавыми слезами плакать, Игнатьев залез в машину и сорвался с места. Через квартал он немного сбросил скорость. От него воняло мочой. В груди клокотало от злости и адреналина. Будто проглотил живую птичку и она рвалась наружу. Хотелось быстрого и убедительного реванша. Он представил, как сжимает медсестре горло и размеренно бьёт кулаком в ухо. Где деньги, сука? Где деньги? Игнатьев решил, что так и сделает. Позже. Она уже наверняка позвонила ментам. Никакого толку от этого не будет. Но лучше переждать несколько дней. Пусть успокоится. Потом снова «сделать ей рандеву». Уже не с мочой. Можно и кислотой. Не в лицо, конечно, а на ноги – самое то.

Игнатъев заехал на заправку. Залил в бак десять литров. Потом позвонил знакомой проститутке по имени Кристина. Она была индивидуалкой, принимала клиентов на съемной квартире. Игнатъев её крышевал, а плату в основном брал натурой. Кристина была старовата. На животе появились растяжки после родов. Зато она многое умела и позволяла делать с собой всё что угодно.

– Ты дома? – спросил Игнатъев.

– Я работаю, – ответила Кристина.

Это означало, что она дома, но не одна.

– До сколько? Я хочу заехать.

– Ещё два часа, но я потом к массажисту записана. И вечером работа.

Игнатъев нажал отбой. И опять стал злиться. Кристина хорошо снимала стресс. Особенно когда он стегал её ремнём, прикованную к батарее. А бывало, и она его. День не задался. Да и жизнь, если подумать. Когда-то Игнатъев мечтал служить в ФСБ. Но провалил психологический тест. Ему удалось устроиться в ОМОН. Всё равно что мечтать быть летчиком, а стать таксистом. Однажды на стрельбищах Игнатъев чуть не застрелил комбата. Забыл проверить патрон в стволе. Комбат сломал ему нос. Пришлось делать операцию, вправлять перегородку. Пока был на больничном, отряд уехал в Чечню. Вернулся без потерь, зато с наградами и премиями. А он стал похож на неумелого боксёра со своим перебитым носом. Да и отношение к Игнатъеву стало каким-то снисхо-

дительным. Будто он специально откосил от командировки. За восемь лет дослужился лишь до звания старшего сержанта. Из-за постоянных пьянок заработал выговор и проблемы с печенью. Потом провалил аттестацию, и злопамятный комбат слил его, как воду из бачка унитаза. Игнатьев попробовал устроиться в центр по борьбе с экстремизмом, но опять завалил тест. Он прикидывал варианты: что дальше? Пойти работать в ЧОП? Покончить с собой? Изнасиловать бабу ночью в парке? В итоге понемногу попробовал всё. Полгода поработал охранником ТЦ. Пытался повеситься на старом шарфе, но тот растянулся так, что Игнатьев достал ногами до пола. Избил пьяную девицу на ночном пустыре. Насиловать не решился. Было слишком холодно. Вскоре после этого он познакомился с Германом. И к чему это привело? Вот он стоит на душной автозаправке, облитый собственной мочой и отвергнутый стареющей проституткой.

«Я какой-то лузер», – подумал Игнатьев и достал сигареты. Чиркнул зажигалкой. К нему тут же подбежал работник в комбинезоне, смуглый и тощий, как ветка.

– Нельзя курить, нельзя, друг, – сказал он с сильным акцентом и замахал руками.

Игнатьев убрал сигареты, пнул этого чурку в мошонку и забрался в машину. Проехав пару кварталов, он достал смартфон и набрал номер Германа.

– Как прошло? – спросил тот.

– Плохо. Я ранен. Эта сука как кобра отбивалась.

– Но ты всё сделал?

– Сделал. Но не доделал. Надо пожёстче ею заняться.

– Ну, займись, – сказал Герман равнодушно.

– И мне нужна прибавка.

– Ладно, слушай, потом обсудим. Я сейчас занят немного.

– Потом ты забудешь.

– Хорошо. Разберёшься с этой бабой, получишь процент больше обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.